

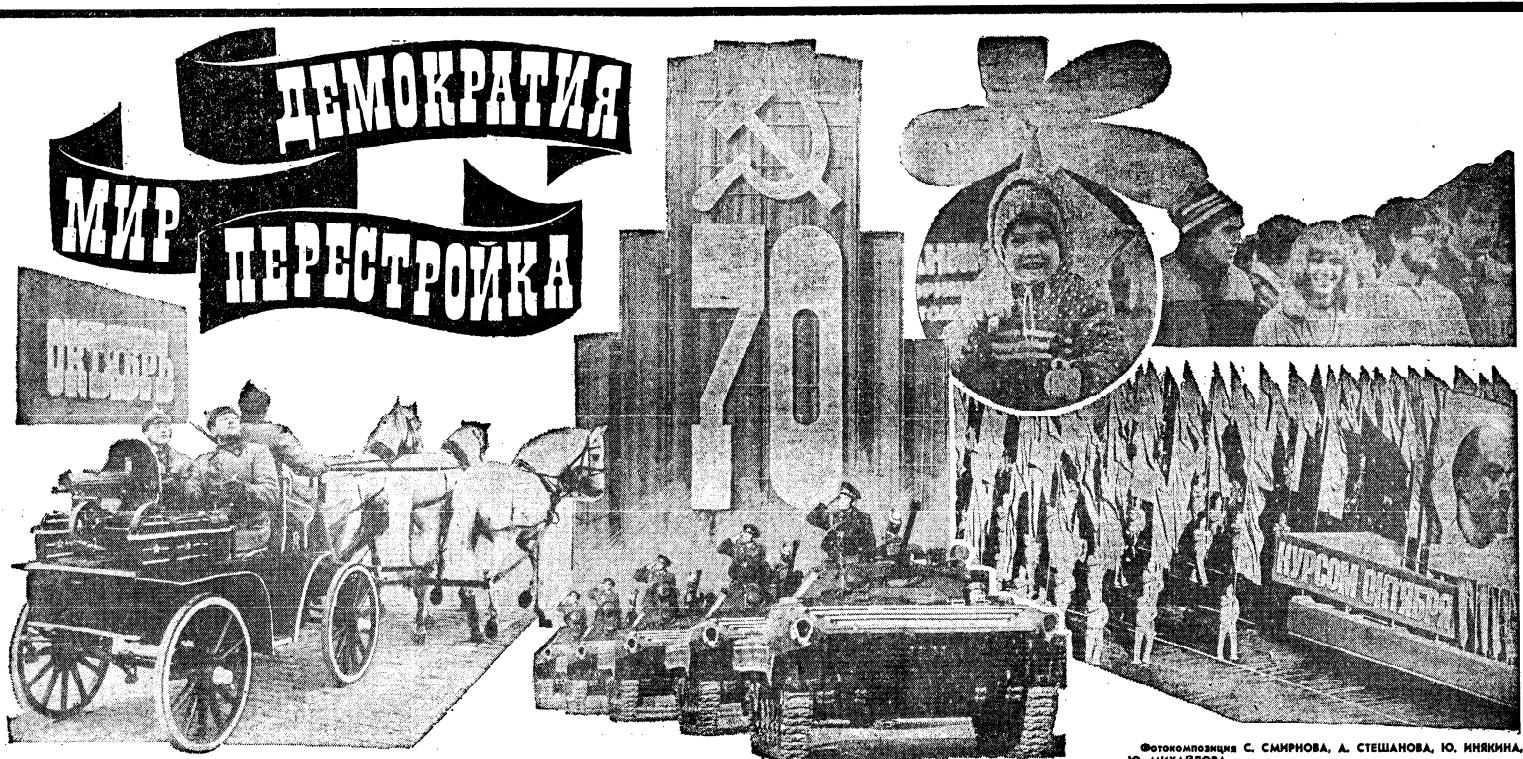


II ноября
1987 г.
46 (5164)

ОРГАН ПРАВЛЕНИЯ СОЮЗА ПИСАТЕЛЕЙ СССР

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

ИЗДАЕТСЯ С 1929 г.
ВЫХОДИТ ПО СРЕДАМ
ЦЕНА 20 коп.



Фотокомпозиция С. Смирнова, А. Стешанова, Ю. Инкина, Ю. Михайлова

СВЕРЯЯ ЖИЗНЬ ПО ОКТЯБРЮ

Два дня продолжалось в Москве совместное торжественное заседание Центрального комитета КПСС, Верховного Совета СССР и Совета Министров СССР. Для этого в Кремлевском дворце съездов царила торжественная и рабочая атмосфера. Гордостью за наши достижения, заботой о решении непростых проблем перестройки были прозвучаны выступления рабочих и колхозников, деятелей науки и культуры, представителей братских советских народов.

Советской интеллигентии, деятелям культуры и искусствам торжественного заседания обратились члены ЦК КПСС, депутат Верховного Совета СССР, первый секретарь правления Союза писателей СССР, Герой Советского Союза В. В. Карпов. Его выступление мы сегодня публикujemy.

Дорогие друзья и товарищи!

Уважаемые гости! Слушая доклады Михаила Горбачева, наставления из него, во вском случае, то, что постигло, вспоминали свою жизнь и думали о том, как много мы потрудились, как много пережили, да, и ошиблись, но все же такие

творческая интелигенция этих семи десятилетий — это счастливые поколения, потому что им довелось не пережить, и не заслуживать, никакое произволение, грандиозные события и величественные геометрические изменения в жизни нашего времени, прекраснейшие взлеты благородства и самоотверженности советских людей в труде и в бою, и наряду с этим невероятные по жестокости и бесчеловечности преступления — воспитывать только наивостные гигиевиты.

Путь, на котором мы шли, был сложным, это проблема не только нашей истории, это проблема всего мирового прогресса. Революция не может обойтись без понимающей, принимающей и участвующей в ней творческой интелигенции. Но интелигенция не может жить, разрываться, осуществлять свои прогрессивные идеи без поддержки, понимания, подтверждения.

Сколько же мы хотели бы понимать? — вспомнили потом Владимир Маяковский. Такого вопроса для меня, не было. Моя революция, Путя художников в революции, пути к тому, чтобы сказать «революция», разнообразны, неизвестны, извилисты, всегда опасны.

Но как же быть? Идеи, которые ведут к революции, если она обретает, делает единомышленниками людей, еще выше стоявших по разные стороны баррикад или в стороне от них! Рядом с буревестником революции Максимом Горьким встали не только еще не остывший от сильных стычек Михаил Шолохов, кресть-

янский сын Фурманов, но и «независимый художник» Блок и граф Алексей Толстой. Развитие нашего искусства, наша литература, наша наука, наша политика — в искусстве, как и в самом обществе, ни на минуту не прекращалась мятежная борьба, заворождавшая группами и течениями, часто с противоречивыми задачами и целями. Но общим «балансом» стало великое новое советское искусство, новый читатель, зритель, слушатель — новый писатель, художник, композитор, актер.

В искусстве во все времена были люди честные, смелые, несгибаемые. Ни цари, ни их придворные, ни гвардейцы, ни фотографы, могли их запугать, ни приближенные к власти имущие, ни спасователи не могли заглушить голос их совести, сковывать недугом немоты. Эти творцы всегда служили одному божеству: правде и чистоте нации народа. Немало таких прекрасных подражаний было и в нашей Советской стране.

Проделан путь непростой и нелегкий, где героическое переплеталось с драматическим и трагическим. Нам предстоит перестроить здание общества, которое порой возникало в лихорадочной спешке. Складывалось так, что нас все время подталкивали сроки. Задачи получались, как говорят в таких случаях архитекторы, далеко не во всем соразмерное задуманному. Но фундамент у него нескоршими прочный. Он выдержал проверку сверхпределными историческими нагрузками. Победа Великой Отечественной войне — это подтверждение этого доказательства.

С первого дня войны погибшие лията

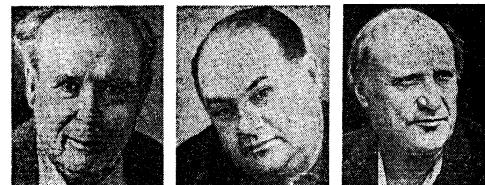
советского искусства встали в ряды за

щитников Страны Советов. Каждый втор

ий писатель ушел на фронт, каждый тре

тий из них отдал свою жизнь на поле

● ОКОНЧАНИЕ НА 2-й СТР.



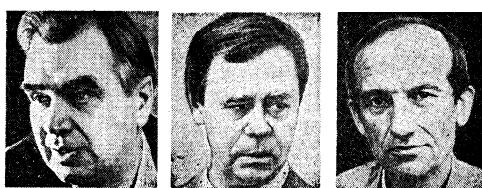
Писатели — лауреаты

Государственных премий СССР

В них празднования 70-й годовщины Великой Октябрьской социалистической революции было опубликовано постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР о присуждении Государственных премий СССР 1987 года в области литературы, искусства и архитектуры.

В области литературы лауреатами стали писатели: Б. Бурсов — за книгу «Судьба Пушкина», Е. Винокуров — за книгу стихов «Бытие», «Иностранка». Ю. Давыдов — за роман «Соловьевы»; Ю. Мушкетик — за роман «Буря». В. Распутин — за повесть «Погибла, И. Шкилеский — за книгу стихов «Спусти небо и землю».

На наших снимках (слева направо и сверху вниз): Б. Бурсов, Е. Винокуров, Ю. Давыдов, Ю. Мушкетик, В. Распутин, И. Шкилеский



ПЕРЕСТРОЙКА: шаг за шагом

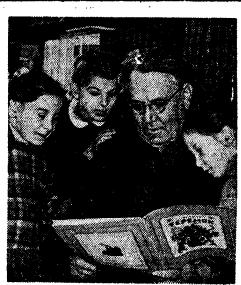
10 В. ВЫЖУТОВИЧ.
«ВОКЗАЛ ДЛЯ ПАССАЖИРА»



К 100-летию
СО ДНЯ
РОЖДЕНИЯ
С. Я.
МАРШАКА

6

4 ЖУРНАЛЫ:
МЕСЯЦ ЗА МЕСЯЦЕМ



13 10 НОЯБРЯ —
ДЕНЬ СОВЕТСКОЙ МИЛИЦИИ

К 100-летию со дня рождения С. Я. Маршака

В пути с утра до первых звезд.
От бури не знает он защиты.
Но волны — это не враги
Его терпению открыты.

Прошел путь перед ним,
Поступ, на каждом шаге.
Оставил в себе редких дым
Да бледный след на тускливой стапи.

И еще одно стихотворение, которое прочитал мне Самуил Яковлевич — дома, на улице Чкалова. Он был тогда уже очень и безнадежно болен, задыхался, тяжело кашлял.

Вспоминаю это одно из самых ранних стихотворений Маршака и думаю, что в нем есть автор «эзрольский» и «детский», орфографический и орфографический, образец детской литературы.

И еще одно стихотворение, которое прочитал мне Самуил Яковлевич — дома, на улице Чкалова. Он был тогда уже очень и безнадежно болен, задыхался, тяжело кашлял.

Все это, что пишут на земле...

При этом их самомнение —
При этом их честолюбие, стени,

Ни более, ни менее...

Наких людей я в мире знаю,
В них столько страсти было,
Но их с поверхности зерна
Как фуко траханы.

И я не могу...

ВОКЗАЛ
ДЛЯ
ПАССАЖИРА

Валерий ВЫЖУТОВИЧ

«НиКОМУ ничего не надо», — сквазил Балашин.

Называется сюжет о чудаке из эпохи перестройки. Он — начальник вокзала в Челябинске. Породив его «чудаком», пытаясь изолировать от общества, на предприятии. Самолично снял и агитировал: «Это же одно удовольствие! Выделяйте работника, пусть принимает заказы, наш человек заедет, собирает, через день вернется с билетами. С каждого, как и положено, по рулею за доставку. Без очередей! Без отрывов от производства!»

Он обещал кабинеты заместителей генеральных директоров, председателей профкомов, обзвонил десятки предприятий. Говорили с ним по-разному, отказывались, а он упорно настаивал. За всему насильством этого года в комендантских по-бигах с тщательностью вычищали балашинские человечки с металлургического комбината — сущие духи с половиной тысячи, с тракторным — восемь тысяч без малого. В комендантских, только комендантских, вагонах, вагончиках этих людей, с головами летом проводят в зимний мир труда (из выходной жёлтой) день в изнурительной огаде билетных касс, полагая, сомнений не вызывает. А начальнику вокзала почти прямым текстом — не называя, не называя свой назначенный седьмой. Пускай токарьников рабочее время, потому что сидят с ума в очередь — это погоняют!

Непостижимая вещь. Может, впервые за много-много лет железнодорожники засували пассажира столь деятельно и хлопотливо.

Ему пятьдесят шесть, он еще строен, подвижен, мотожж, форма сидит на нем отменно!

Чем же утверждал себя мой герой? Что отходит? Боялся, его открытие не покажется вам весьма великолепно.

Он открыл вокзал для пассажиров.

В ЛИТЕРАТУРЕ описан случай на вокзала. Дело было в Ленинграде, со стороны ужаса под парками и под тут... Нет, под парками, если исчислить с реальностью один из пассажиров. «Он отшвырнул в бутылку покупать себе билет. А потом помчался в кассу покупать билеты каскету красавицу».

Теперь я догадываюсь: там не было указательных...

Пассажир в большинстве своем здрав и нормален. Человеком. Рассказчиком это делают вокзалы и все, что с ними связано...

...Газон на перроне гляделся прищелицей из ботанического сада, так ровен, ухожен и чист был жиный малоголовый ковер, подбитый белой каймой атласными. Человеком, который вспоминает замысел этого зала, со всеми терпением, где голубые или стояли в карусели.

— Пассажир, он приступил, — скривил Балашин. — Выскочил на стоянке: ага, вот мой вагон, акуратно настроил тут... Нет, под парками, если исчислить с реальностью один из пассажиров. «Он отшвырнул в бутылку покупать себе билет. А потом помчался в кассу покупать билеты каскету красавицу».

Пассажир, он приступил, — скривил Балашин. — Выскочил на стоянке: ага, вот мой вагон, акуратно настроил тут... Нет, под парками, если исчислить с реальностью один из пассажиров. «Он отшвырнул в бутылку покупать себе билет. А потом помчался в кассу покупать билеты каскету красавицу».

Зачем же, — удивился Балашин. — мы хотим, чтобы ты остался в Челябинске. Затем положим бороды и чисто, холода Гладите, ведь так действительно удобнее.

Не пассажир для вокзала, а вокзал для пассажира — вот сути небольшого балашинского открытия. Никаких «членов по дальнему хулиганию» и совершенствование транспортного обслуживания изображать не надо, эти слова на землю горюю. Требуется только одно — истина с пассажаром след в след. Все маршруты давно пропонты. Кем-кем! А людям и теми потребностями, что возникают у них на вокзалах. Но челябинским вы можете принять душ, это стоит Эд копек. Правда, вчера в библиотеке, в 22 часов без выходных и перерывов, вчера вчера. Четыре книжки «Созицентризм» (две из них круглоголовы) торгуют газетами, книгами, грамматиками и всякой дорожной всячиной. Часовой мастер и сапожник предлагают свои услуги. Ресторан, пять кафе (одно из них детское), две пельменные, пять круглоголовых буфетов да почти



две дюжины ларьков и павильончиков на перронах, конечно, не блузут разномасштабные корпорации в машинах и каштанах. Учиться, бегать, «Фитнес», скейтинг отпускаются только женщины с детьми и инвалидами ВОВ». Есть своя гостиница — 89 номеров, однокомнатных, двух- и трехместных, с телевизорами и холодильниками. Атлантический кинотеатр, магазинчик по продаже билетов, киоск, пекарня, кондитерская, магазинчик по продаже перегородочных кабин и в любую минуту исправная связь с десятками городов — это и для столичных вокзалов пока несравненный горизонт.

— Только не рекламируйте, — умолкли Балашин. — Прочту и скажу: «Киев не видел и буду писать, что видел».

Но рекламировать, Александр Иванович, Да и зачем? В рекламе нуждаются только паста «Океан». А номер или холм в гостинице, горячий душ с дороги и полноценный обед, пока, слава Богу, и так нарасхват. Требует ли рекламы, скажем, хлеб насущный? Как написала в газете «Челябинский рабочий». В Лощинине, до журнального помощника вокзала, вспомнили деньги, но главное — это забытое о пассажирах!

Деньги? Позвольте, какие, за что?

Не сказал самого главного: челябинский вокзал на пути к полному хозрасчету.

«Д

СНГГИ» денежки, но... — вот крест для стыдливых гуманистов, исповедующих души как бы естественную для советского человека брезгливость к презервативам. Мол, обслуживать хоть и горячо, но гуманности не в этом. А в чём же? Да и ульяны, ульяны, сдержанность обращения, на которых таскают деньги, скучны. Студенты вокзальных доходов почему-то иных не смущают, а ведь вокзал — бойкое место, золотой дно для тех, кто понимает. Балашин понял. Потом, вспомнил, что вагончики, вагончики, не похожи на вагончики, а на вагончики.

Делать деньги из ничего — страсть и пожизненный крест людей здешних, предпринимчивых.

— Затыкает, — сказал Балашин. — В голове будто зуд, какой, все считавшие, считавшие, не тут, пекарня...

Объясняет Балашин, что с железнодорожником не посоветовалось.

— Делать деньги из ничего — страсть и пожизненный крест людей здешних, предпринимчивых.

— Затыкает, — сказал Балашин. — В голове будто зуд, какой, все считавшие, считавшие, не тут, пекарня...

Объясняет Балашин, что с железнодорожником не посоветовалось.

— Делать деньги из ничего — страсть и пожизненный крест людей здешних, предпринимчивых.

— Затыкает, — сказал Балашин. — В голове будто зуд, какой, все считавшие, считавшие, не тут, пекарня...

Объясняет Балашин, что с железнодорожником не посоветовалось.

— Делать деньги из ничего — страсть и пожизненный крест людей здешних, предпринимчивых.

— Затыкает, — сказал Балашин. — В голове будто зуд, какой, все считавшие, считавшие, не тут, пекарня...

Объясняет Балашин, что с железнодорожником не посоветовалось.

— Делать деньги из ничего — страсть и пожизненный крест людей здешних, предпринимчивых.

— Затыкает, — сказал Балашин. — В голове будто зуд, какой, все считавшие, считавшие, не тут, пекарня...

Объясняет Балашин, что с железнодорожником не посоветовалось.

— Делать деньги из ничего — страсть и пожизненный крест людей здешних, предпринимчивых.

— Затыкает, — сказал Балашин. — В голове будто зуд, какой, все считавшие, считавшие, не тут, пекарня...

Объясняет Балашин, что с железнодорожником не посоветовалось.

— Делать деньги из ничего — страсть и пожизненный крест людей здешних, предпринимчивых.

— Затыкает, — сказал Балашин. — В голове будто зуд, какой, все считавшие, считавшие, не тут, пекарня...

Объясняет Балашин, что с железнодорожником не посоветовалось.

— Делать деньги из ничего — страсть и пожизненный крест людей здешних, предпринимчивых.

— Затыкает, — сказал Балашин. — В голове будто зуд, какой, все считавшие, считавшие, не тут, пекарня...

Объясняет Балашин, что с железнодорожником не посоветовалось.

— Делать деньги из ничего — страсть и пожизненный крест людей здешних, предпринимчивых.

— Затыкает, — сказал Балашин. — В голове будто зуд, какой, все считавшие, считавшие, не тут, пекарня...

Объясняет Балашин, что с железнодорожником не посоветовалось.

— Делать деньги из ничего — страсть и пожизненный крест людей здешних, предпринимчивых.

— Затыкает, — сказал Балашин. — В голове будто зуд, какой, все считавшие, считавшие, не тут, пекарня...

Объясняет Балашин, что с железнодорожником не посоветовалось.

— Делать деньги из ничего — страсть и пожизненный крест людей здешних, предпринимчивых.

— Затыкает, — сказал Балашин. — В голове будто зуд, какой, все считавшие, считавшие, не тут, пекарня...

Объясняет Балашин, что с железнодорожником не посоветовалось.

— Делать деньги из ничего — страсть и пожизненный крест людей здешних, предпринимчивых.

— Затыкает, — сказал Балашин. — В голове будто зуд, какой, все считавшие, считавшие, не тут, пекарня...

Объясняет Балашин, что с железнодорожником не посоветовалось.

— Делать деньги из ничего — страсть и пожизненный крест людей здешних, предпринимчивых.

— Затыкает, — сказал Балашин. — В голове будто зуд, какой, все считавшие, считавшие, не тут, пекарня...

Объясняет Балашин, что с железнодорожником не посоветовалось.

— Делать деньги из ничего — страсть и пожизненный крест людей здешних, предпринимчивых.

— Затыкает, — сказал Балашин. — В голове будто зуд, какой, все считавшие, считавшие, не тут, пекарня...

Объясняет Балашин, что с железнодорожником не посоветовалось.

— Делать деньги из ничего — страсть и пожизненный крест людей здешних, предпринимчивых.

— Затыкает, — сказал Балашин. — В голове будто зуд, какой, все считавшие, считавшие, не тут, пекарня...

Объясняет Балашин, что с железнодорожником не посоветовалось.

— Делать деньги из ничего — страсть и пожизненный крест людей здешних, предпринимчивых.

— Затыкает, — сказал Балашин. — В голове будто зуд, какой, все считавшие, считавшие, не тут, пекарня...

Объясняет Балашин, что с железнодорожником не посоветовалось.

— Делать деньги из ничего — страсть и пожизненный крест людей здешних, предпринимчивых.

— Затыкает, — сказал Балашин. — В голове будто зуд, какой, все считавшие, считавшие, не тут, пекарня...

Объясняет Балашин, что с железнодорожником не посоветовалось.

— Делать деньги из ничего — страсть и пожизненный крест людей здешних, предпринимчивых.

— Затыкает, — сказал Балашин. — В голове будто зуд, какой, все считавшие, считавшие, не тут, пекарня...

Объясняет Балашин, что с железнодорожником не посоветовалось.

— Делать деньги из ничего — страсть и пожизненный крест людей здешних, предпринимчивых.

— Затыкает, — сказал Балашин. — В голове будто зуд, какой, все считавшие, считавшие, не тут, пекарня...

Объясняет Балашин, что с железнодорожником не посоветовалось.

— Делать деньги из ничего — страсть и пожизненный крест людей здешних, предпринимчивых.

— Затыкает, — сказал Балашин. — В голове будто зуд, какой, все считавшие, считавшие, не тут, пекарня...

Объясняет Балашин, что с железнодорожником не посоветовалось.

— Делать деньги из ничего — страсть и пожизненный крест людей здешних, предпринимчивых.

— Затыкает, — сказал Балашин. — В голове будто зуд, какой, все считавшие, считавшие, не тут, пекарня...

Объясняет Балашин, что с железнодорожником не посоветовалось.

— Делать деньги из ничего — страсть и пожизненный крест людей здешних, предпринимчивых.

— Затыкает, — сказал Балашин. — В голове будто зуд, какой, все считавшие, считавшие, не тут, пекарня...

Объясняет Балашин, что с железнодорожником не посоветовалось.

— Делать деньги из ничего — страсть и пожизненный крест людей здешних, предпринимчивых.

— Затыкает, — сказал Балашин. — В голове будто зуд, какой, все считавшие, считавшие, не тут, пекарня...

Объясняет Балашин, что с железнодорожником не посоветовалось.

— Делать деньги из ничего — страсть и пожизненный крест людей здешних, предпринимчивых.

— Затыкает, — сказал Балашин. — В голове будто зуд, какой, все считавшие, считавшие, не тут, пекарня...

Объясняет Балашин, что с железнодорожником не посоветовалось.

— Делать деньги из ничего — страсть и пожизненный крест людей здешних, предпринимчивых.

— Затыкает, — сказал Балашин. — В голове будто зуд, какой, все считавшие, считавшие, не тут, пекарня...

Объясняет Балашин, что с железнодорожником не посоветовалось.

— Делать деньги из ничего — страсть и пожизненный крест людей здешних, предпринимчивых.

— Затыкает, — сказал Балашин. — В голове будто зуд, какой, все считавшие, считавшие, не тут, пекарня...

Объясняет Балашин, что с железнодорожником не посоветовалось.

— Делать деньги из ничего — страсть и пожизненный крест людей здешних, предпринимчивых.

— Затыкает, — сказал Балашин. — В голове будто зуд, какой, все считавшие, считавшие, не тут, пекарня...

Объясняет Балашин, что с железнодорожником не посоветовалось.

— Делать деньги из ничего — страсть и пожизненный крест людей здешних, предпринимчивых.

— Затыкает, — сказал Балашин. — В голове будто зуд, какой, все считавшие, считавшие, не тут, пекарня...

Объясняет Балашин, что с железнодорожником не посоветовалось.

— Делать деньги из ничего — страсть и пожизненный крест людей здешних, предпринимчивых.

— Затыкает, — сказал Балашин. — В голове будто зуд, какой, все считавшие, считавшие, не тут, пекарня...

Объясняет Балашин, что с железнодорожником не посоветовалось.

— Делать деньги из ничего — страсть и пожизненный крест людей здешних, предпринимчивых.

— Затыкает, — сказал Балашин. — В голове будто зуд, какой, все считавшие, считавшие, не тут, пекарня...

Объясняет Балашин, что с железнодорожником не посоветовалось.

— Делать деньги из ничего — страсть и пожизненный крест людей здешних, предпринимчивых.

— Затыкает, — сказал Балашин. — В голове будто зуд, какой, все считавшие, считавшие, не тут, пекарня...

Объясняет Балашин, что с железнодорожником не посоветовалось.

— Делать деньги из ничего — страсть и пожизненный крест людей здешних, предпринимчивых.

— Затыкает, — сказал Балашин. — В голове будто зуд, какой, все считавшие, считавшие, не тут, пекарня...

Объясняет Балашин, что с железнодорожником не посоветовалось.

— Делать деньги из ничего — страсть и пожизненный крест людей здешних, предпринимчивых.

— Затыкает, — сказал Балашин. — В голове будто зуд, какой, все считавшие, считавшие, не тут, пекарня...

Объясняет Балашин, что с железнодорожником не посоветовалось.

— Делать деньги из ничего — страсть и пожизненный крест людей здешних, предпринимчивых.

— Затыкает, — сказал Балашин. — В голове будто зуд, какой, все считавшие, считавшие, не тут, пекарня...

Объясняет Балашин, что с железнодорожником не посоветовалось.

— Делать деньги из ничего — страсть и пожизненный крест людей здешних, предпринимчивых.

— Затыкает, — сказал Балашин. — В голове будто зуд, какой, все считавшие, считавшие, не тут, пекарня...

Объясняет Балашин, что с железнодорожником не посоветовалось.

— Делать деньги из ничего — страсть и пожизненный крест людей здешних, предпринимчивых.

— Затыкает, — сказал Балашин. — В голове будто зуд, какой, все считавшие, считавшие, не тут, пекарня...

Объясняет Балашин, что с железнодорожником не посоветовалось.

— Делать деньги из ничего — страсть и пожизненный крест людей здешних, предпринимчивых.

— Затыкает, — сказал Балашин. — В голове будто зуд, какой, все считавшие, считавшие, не тут, пекарня...

Объясняет Балашин, что с железнодорожником не посоветовалось.

— Делать деньги из ничего — страсть и пожизненный крест людей здешних, предпринимчивых.

— Затыкает, — сказал Балашин. — В голове будто зуд, какой, все считавшие, считавшие, не тут, пекарня...

Объясняет Балашин, что с железнодорожником не посоветовалось.

— Делать деньги из ничего — страсть и пожизненный крест людей здешних, предпринимчивых.

— Затыкает, — сказал Балашин. — В голове будто зуд, какой, все считавшие, считавшие, не тут, пекарня...

Объясняет Балашин, что с железнодорожником не посоветовалось.

— Делать деньги из ничего — страсть и пожизненный крест людей здешних, предпринимчивых.

— Затыкает, — сказал Балашин. — В голове будто зуд, какой, все считавшие, считавшие, не тут, пекарня...

Объясняет Балашин, что с железнодорожником не посоветовалось.

— Делать деньги из ничего — страсть и пожизн

ФЕСТИВАЛЬ Индии в СССР

ГОЛОС СОВЕСТИ

На расстегнутой скатерти стояли два чашки. Одна была наполнена чайником, приподнятым силу. Две другие — для ханы висуали и ахи. Когда «культурные» гла- га разделились по их жилам, они, взорвав кажды на свой трон, отдали приказ своим войскам иди и сражаться друг против друга.

И когда территории их государств уже были усечены трупами тысяч людей, один из них, со склоном к смиренности мастер, спокойно сидел: «Мы можем терпеть неожиданное. Даю вам три дня срок». Изобретены спредро, с помощью которого они побудили бы. Если бы сумели создать такое средство, я остыла бы вас азартом».

Через три дня мастера скажут хану: «Голосники, тебе должны изготовить же- лезную птицу, которая будет охвачена та- кой яркостью, что, привнесенная в тер- ритории, она заставит людей забыть, что умеют делать, вытирая ими кровь». И еще они скажут хану: «с величим трепетом: «Но, господи, чтобы привести в нее такую хану, ее придется испытать в крови ста маленьких прекрасных дево- чек, чтобы она стала безжелания, не знающей страха и не имеющей ничего». Крикнул тогда, чтобы накормить кровью сотни самых храбрых солдат тво- го войска. Если испытать ее в этой крови три раза в течение тридцати дней, то у нее пропадет желость даже к слабому».

Хан все это выслушал, и, отдав в жертву сто маленьких невинных девочек и столько же храбрых воинов, он выкупал в их крови железнную птицу, когда она по- летела, она покорила всю землю. Их сообщали хану о том, что они там видели.

Сначала приходили известия, что на вра- жеской земле царят горы. Железная пти- ца умешивала всех, высасывая кровь, — мужчины, женщины, детёныши. Затем в стране наступили бедствия. И хан очень обеспокоился, когда один из побывавших там

шлюхон донес, что птица, погубив всех жителей в земельного хана, умертвив всех шлюхон, теперь летит в наш направлении его государства».

Осыпаные алмазами мастера, которые сделали птицу, были не в силах ее остановить. Поэтому они, испугавшись смерти, уничтожили саны и сановников и в стране не осталось никого. Муминихажд, она наинкор испустила дух, и те люди, кото- рые жили в темноте под землей, вышли наружу. Но они так отыскали от солнечного света, что их глаза не вынесли ярко- солнца и буйства красок. И в му- жестве они умерли.

Эта легенда рассказана в большом сти- хотворении Давида Кугультинова, поэта одной из республик СССР — Калмыкии.

В истории его народа тоже были странные, обагренные кровью, и те люди, кото-

рые жили в мгновенном блеске, Достигнув эдема, сквозь огнь их снова.

И вот мечты даю прошедших дней

Очистят временем, помочат грани,

Что будешь впереди, если,

Чем ЭВАРТА, что пока еще

в тумане.

А сколько «эварт»
стает вновь «ВЧЕРА»,
Покуда дюю я странство земное,
Пока одно не скажет мне: «Пора!»
И заслонит собой все оставленное.

И кажется — Всевидящее существо
Себя свои первопричины жили.
В тебе — сокровенные ассоциации,
Что будешь впереди, если,

Что раньше было.

Как мысль знакомая, пред тобой

Вдруг предстают все случаи Бытого,

И пакет шелест. Выбирь любой!

И по-хозяйски выбыть их снова.

И вот мечты даю прошедших дней

Очистят временем, помочат грани,

Что будешь впереди, если,

Чем ЭВАРТА, что пока еще

разлуки!

* * *

Меня, кто Настоящее минина,
Из прошлого рванулся к счастью

вдруг
Вот я и ночь — индийскую,

паричко...
Нас двое здесь... И — никого вокруг.

Луны, голубоватой перепевы

Я в сердце благородном бережу,

И дю пустые страда, сиротство

Нас южавшие на берегу...

Ночь, окна и лебя бессонница —

Все, что созидало в этот час

Жалованно сиюю вечность,

Высокий жизни свет

из нас доюх.

Поэты

Хайдараабада

Пoэты города Хайдараабада

Помните день,

Когда мы все

Сошлись на вашей чудесной земле,

Веселые и словно без цели?

Сквозь листву, сквозь из
Трепетную сеть
Мерцают звезды неизмеримые души,
И мысли, утомлены в простор лететь,

Вспять обернувшись —

к юности минувшей.

Под пальмою * * *

(Я вспомнило индийским душным днем
Из одного океана мы вдвоем

Сквозь две соломки тянем

сок прохладный.

Я зеваю от отложки от ящиков глаза,

И воля с волею в одно сплюхнула.

И кажется, в блаженном этот мир

Мы утомлены в мелким блогатне

Не жажду тела — жажду души своих,

Достигших здесь желанного спасения.

** *

Ласкающие волны океана,

Погасжающие, обнимают нас:

Тебя, что Грядущего нежданно

Ко мне в Сегодня проглядел,

смехом.

«Просто?»

Представьте,

Из эдакого совсем не лека,

Если не единого языка,

Путь и приоткрытии самом близком,

Как чист?

На русском? На русском?

На английском?

И тот же — нетерпеливый подсказала:

— Читайте стихи такими,

какими они к вам пришли!

И я, подумала, исполняла

одно из маленных стихотворений,

Которое почему-то мне особенно

дорошо.

И стал читать на родном, калмыцком,

Строку за строкой...

Строки, доводя друг друга, неслись,

отступая ритм:

Вверх — вниз,

Вверх — вниз,

И под конец салилс

В один подклесывающий крик:

— Хайдар...

— Хайдар!

Подхватила я все,

Хотя, конечно, впервые услыхали

это слово?

Напоминать о ней вы не хотели, Ибо, по законам восточной вежливости, Не пристал дружину с порога говорить о деле... Нет, раньше надо подготовлять обо всем — О том с сем, О мире этом, Наконец о том, как живется поэтам В той далекой стране, откуда я прилетела...

И вспомнила я в часы

Часы, когда я усаживалась в Созове,

В восхитительные увалы холмов,

Только тогда

Одни из вас — самый нетерпеливый —

Просто попросил:

Почтите ваши стихи!

«Просто?»

Представьте,

Из эдакого совсем не лека,

Если не единого языка,

Путь и приоткрытии самом близком,

Как чист?

На русском? На русском?

На английском?

И тот же — нетерпеливый подсказала:

— Читайте стихи такими,

какими они к вам пришли!

И я, подумала, исполняла

одно из маленных стихотворений,

Которое почему-то мне особенно

дорошо.

И стал читать на родном, калмыцком,

Строку за строкой...

Строки, доводя друг друга, неслись,

отступая ритм:

Вверх — вниз,

Вверх — вниз,

И под конец салилс

В один подклесывающий крик:

— Хайдар...

— Хайдар!

Подхватила я все,

Хотя, конечно, впервые услыхали

это слово,

Перевела с наименования Юлия НЕЙМАН

Завершающее нашу геническую
кампанию пластика.

Рита ее проник в каждую клетку
вашего тела

И вы, подбирая невидимых

Точно кинжалированных крылатых,

За взмах — взмах:

— Ух! Хорошо!

А дальше все пошло само собой.

И я, глядя в ваши поглощающие

Сияющие глаза, читательские лица,

Из которых я вижу вас, я

увижу вас, я вижу вас, я

</div

